

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков

I. ПИЩА БОГОВ

– Жуткая свинья. От угла рояля до двери в комнату Анны Васильевны.

– Вася!! Ведь ты врешь?

– Вру? Вру? Поезжайте сами посмотрите! Это обидно, в конце концов, все, что ни скажу, все вру! Сто восемнадцать пудов свинья.

– Ты сам видел?

– Все видели.

– Нет, ты скажи, ты сам видел?

– Ну... мне Петров рассказывал... Чудовищная свинья!

– Лгун твой Петров чудовищный. Ведь такая свинья в товарный вагон не влезет, как же ее в Москву везли?

– Я почему знаю! Может быть, на этой... как ее... на открытой платформе. Или на грузовике.

– Где ж такую свинью развели?

– А черт ее знает! В каком-нибудь совхозе. Конечно, не мужицкая. Мужичьи свиньи паршивые, маленькие, как кошки. Вот и притащили им такую с автомобиль. Они посмотрят, посмотрят, да и сами заведут таких.

– Нет, Вася... Ты такой человек... такой человек...

– Ну, черт с вами! Не буду больше рассказывать!

II. НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Августовский вечер ясен. В пыльной дымке по Садовому кольцу летят громяющие ящики трамвая «Б» с красным аншлагом: «На выставку». Полным-полно. Обгоняют грузовики и легкие машины, поднимая облако пыли и бензинового дыму.

На Смоленском толчея усиливается. Среди шляпок и шляп вырастает белая чалма, среди спин пиджаков – полосатая спина бухарского халата. Еще какие-то шафранные скуластые лица, раскосые глаза.

Каменный мост в ущелье-улице показывается острыми красными пятнами флагов. По мосту, по пешеходным дорожкам льется струя людей, и навстречу, гудя, вылезает облупленный автобус. С моста разворачивается городок. С первого же взгляда в заходящем солнце на берегу Москвы-реки он легкий, воздушен, стремителен и золотист.

Публика высыпается из трамвая, как из мешка. На усыпанных песком пространствах перед входами муравейник людей.

Продавцы с лотками выкрикивают:

– Дюшес, дюшес сладкий!

И машины рявкуют, ползают, пробираясь в толпе. На остановках стена людей, осаждающих обратные «Б», а у касс хвосты.

И всюду дальше дерево, дерево, дерево. Свежее, оструганное, распиленное, золотое, сложившееся в причудливые башни, павильоны, фигуры, вышки.

Чешуя Москвы-реки делит два мира. На том берегу низенькие, одноэтажные красные, серенькие домики, привычный уют и уклад, а на этом – разметавшийся, острокрыший, островерхий, колючий город-павильон.

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Из трамвая, отдуваясь, выбирается фигура хорошо и плотно одетая, с золотой цепочкой на животе, окидывает взглядом буйную толчею и бормочет:

– Черт их знает, действительно! На этом болоте лет пять надо было строить, а они в пять месяцев построили! Манечка! Надо будет узнать, где тут ресторан!

Толстая Манечка, гремя и сверкая кольцами, браслетами, цепями и камнями, впивается в пиджак, и пара спешит к кассам.

Турникеты скрипят, и продавцы и продавщицы значков Воздушного флота налетают со всех сторон.

– Гражданин, значок! Значок!

– Газета «Смычка»[1] с планом выставки! Десять рублей! С подробным планом!

Под ногами хрустит песок. Направо разноцветный, штучный, словно из детских кубиков сложенный павильон.

III. КУСТАРНЫЙ

Из глубины – медный марш. У входа, в синей форме, в синем мягком шлеме, дежурный пожарный. «Зажигать огонь и курить строго воспрещается». Сигнал. «В случае пожара...» и т. д. У стола отбирают дамские сумки и портфели.

Трехсветный, трехэтажный павильон весь залит пятнами цветных экспонатов по золотому деревянному фону, а в окнах синеющая и стальная гладь Москвы-реки.

«Sibcustprom» – изделия из мамонтовой кости. Маленький бюст Троцкого, резные фигурные шахматы, сотни вещей и безделушек.

Горностаевым мехом по овчине белые буквы «Н. К. В. Т.[2]» и щиты, и на щитах меха. Черно-бурые лисицы, черный редкий волк, песцы разные – недопесок, синяк, гагара. Соболя прибайкальские, якутские, нарынские, росомахи темные.

Бледный кисейный вечерний свет в окне и спальня красного дерева. Столовая. И всюду Троицкий[3], Троицкий, Троицкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий.

«Игрушки – радость детей», и Кустсоюз выбросил ликующую золото-сине-красную гамму и карусель.

Мальцевский завод, Кузнецовские фабрики работают, и Продасиликат уставил полки разноцветным стеклом, фарфором, фаянсом, глиной. Разрисованные чайники, чашки, посуда – экспорт на Восток, в Бухару.

Комиссия, ведающая местами заключения, показала работы заключенных: обувь, безделушки. Портрет Карла Маркса глядит сверху.

Gospirt. От легких растворителей масел, метиловых спиртов и ректификата к разноцветным 20-градусным водкам, пестроэтикетной башенной рябиновке-смирновке. Мимо плывет публика, и вздохи их вьются вокруг поставца, ласкающего взоры. Рюмки в ряду ждут избранных – спецов-дегустаторов.

Уральские самоцветы, яшма, малахит, горный дымчатый хрусталь. На гигантском столе модель фабрики галош, опять меха, ткани, вышивки, кожи. Вижу в приволе, куда сбегают легкие лестницы, экипажи, брички показательной, образцовой мастерской. Бочки, оси, колеса...

Лампы вспыхивают под потолком, на стенах, павильон наливается теплым светом, угасает Москва-река за окном.

IV. ЦВЕТНИК-ЛЕНИН

Шуршит песок. Тень легла на Москву. Белые шары горят, в высоте арка оделась огнями. Киоск с пивом осаждают. Духота.

Главное здание – причудливая смесь дерева и стекла.

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В полумраке – внутренний цветник. У входа – гигантские разные деревянные торсы. А на огромной площади утонула трибуна в гуще тысячной толпы. Слов не слышно, но видна женская фигура. Несомненно, деревенская баба в белом платочке. Последние ее слова покрывает не крик, а грохот толпы, и отзывается на него издали затерявшийся под краем подковы – главного павильона – оркестр. С трибуны исчезает белый платок, вместо него черный мужской силуэт.

– Доро-гой! Ильич!!

Опять грохот. Затем буйный марш, и рядами толпа валит между огромным цветником и зданием открытого театра к Нескучному на концерт. В рядах плывут клинобородые мужики, армейцы в шлемах, пионеры в красных галстуках, с голыми коленями, женщины в платочках, сельские бородатые захоластные фигуры и московские рабочие в картузах.

Даму отрезало рекой от театра. Она шепчет:

– Не выставка, а черт знает что! От пролетариата прохода нет. Видеть больше не могу!

Пиджак отзывается сиплым шепотом:

– Н-да, трудноато!

И их начинает вертеть в водовороте.

К центру цветника непрерывное паломничество отдельных фигур. Там знаменитый на всю Москву цветочный портрет Ленина. Вертикально поставленный, чуть наклонный, двускатный щит, обложенный землей, и на одном скате с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок из его речи.

Три электросолнца бьют сквозь легкие трельяжи, решетки и мачты открытого театра. Все дерево, все воздушное, сквозное, просторное. На громадной сцене медный оркестр льет вальс, и черным-черны скамьи от народу.

V. ВЕЧЕР. УЗБЕКИ

Тень покрывает город и Москву-реку. В фантастическом выставочном цветнике полумрак, и в нем цветочный Ленин кажется нарисованным на громадном полотне.

Павильоны, что тянутся по берегу реки к Нескучному, начинают светиться. Ослепительно ярко загорается павильон с гипсовыми мощными торсами, поддерживаемыми серые пожарные шланги. На фронтоне, на стене надписи. Пожары в деревне. Борьба с пожарами. В павильоне полный свет, но еще стоят внутри кой-где леса. Он еще не окончен.

– Не беспокойтесь, завтра откроют. Со мной так было: утром придешь, посмотришь работу, а вечером этого места не узнаешь – кончили!

И опять: свет, потом полумрак. Горит павильон Сельскохозяйственного. В стеклах дыни, груши. Рядом – темноватая глыба. Чернее подпись «Закрито». В полумраке, в отсвете ламп с отдаленных фонарей, в кафе на берегу реки, едят и пьют. Сюда, на берег реки, еще не дали света.

По Москве-реке бегут огоньки на лодках. Стучит в отдалении мотор, и распластанный гидроплан прилепился к самому берегу. Армейцы в шлемах тучей облепили загородку, смотрят водяную алюминиевую птицу.

В полумраке же квадраты и шашечные клетки показательных орошаемых участков, темны и неясны очертания у цветников, окаймляющих павильоны рядом белых астр. Пахнут по-вечернему цветы табака.

По дорожкам народ группами стремится к Туркестанскому павильону, входит в него толпами. Внутри блесит причудливая деревянная резьба, свет волной. Снаружи он расписан пестро, ярко, необыкновенно.

И тотчас возле него начинает приветливо пахнуть шашлыком.

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru Там, где беседка под самым берегом, память угасшего, отжившего века Екатерины – Павла – Александра, на грани, где зеленым морем надвигается Нескучный сад с огнями электрическими, резкими, новыми, вдоль берега кипят гигантские самовары, бродят тубетейки, чалмы.

За Туркестанским хитрым, расписным домом библейская какая-то арба. Колеса-гиганты, гигантские шляпки гвоздей, гигантские оглобли. Арба. Потом по берегу, вдоль дороги, под деревьями навесы деревянные и низкие настилы, крытые восточными коврами. Манит сюда запах шашлыка москвичей, и белые московские барышни, ребята, мужчины в европейских пиджаках, поджав ноги в остроносых ботинках, с расплывшимися улыбками на лицах, сидят на пестрых толстых тканях. Пьют из каких-то безруких чашек. Стоят перетянутые в талию, тускло блестящие восточные сосуды.

В печах под навесами бушует красное пламя, висят на перекладинах бараньи освежаванные туши. Мечутся фартуки. Мелькают черные головы.

Раскаленный уголь в извитую громоздкую трубку, и черный неизвестный восточный гражданин Республики курит.

– Кто вы такие? Откуда? Национальность?

– Узбеки. Мы.

Что ж. Узбеки так узбеки. К узбеку в кассы сыпят пятидесяти- и сторублевые бумажки.

– Четыре порции. Шашлык.

Пельмени ворчат у печей. Жаром веет. Хруст и говор. Едят маслящиеся пельмени, едят какой-то витой белый хлеб, волокут шашлык на тарелках.

Мимо навесов по дороге непрерывно идут и идут в Нескучный сад. Оттуда доносится то глухо, то ясными взрывами музыка.

VI. ДВИЖЕНИЕ

По дорожкам, то утрамбованным, то зыбким и рыхлым, снуют и снуют, идут вперед к туркестанцам, идут назад к выходам. По дороге еще буфет и тоже темно. Также еще не дали свету. Но и там звенят ложечки и стаканы.

Круглое, светящееся преграждает путь. Павильон Нарпита. В кольцевой галерее снаружи, конечно, едят и пьют, и подает «услуживший» в какой-то диковинной фуражке с красным ярлыком. Внутри, в стеклянном граненом павильоне, чинно и чисто. Диаграммы, масляными красками вдоль всей верхней части стены картины будущего общественного питания. Общественные кухни с наилучшим техническим оборудованием. Общественные столовые.

Посредине сервирован стол. Так чисто, на красивой посуде будут есть, когда процветет «Narpit».

Выставка теперь живет до 12 часов ночи. Но за два, за три часа по пескам, в суете, по пространству с уездный город, и вот ноги больше не хотят ходить.

На выставку надо ездить много – раз пять, шесть, чтобы успеть хоть сколько-нибудь добросовестно осмотреть, что-нибудь запомнить, всюду побывать.

На выход! На выход! Домой!

И вот у выходов долгий, скучный, тяжелый фокус. Отсюда в город трамвай идет полный, до отказа. Тучи ждут. Когда в него попадешь?

Вон мелькнула надежда. Стоит черный автомобиль с продолговатыми лавками.

– Берете публику?

– Нет. Это машина Горбанка.

Но вот спасительный красный ящик. Неуклюж, как слон, облуплен, тяжел, грузен.

– До Страстного?

– Семьдесят пять рублей.

Скорее садиться. Места занимают вмиг.

О Боже! Кишки вытрясет!

Последним на ходу вскакивает некто с портфелем. Физиономия настолько озабоченная, портфель настолько внушительный, взгляды настолько сосредоточенные, что сразу видно – не простой смертный, а выставочный. Так и есть.

– Вот я организую автобусное движение. На хороших машинах.

– Очень бы хорошо было. А то, знаете ли, пропадешь.

– Еще бы... Ведь это не машина, а...

Но не успел организатор сказать, что именно. Тряхнуло так, что язык вскочил между зубами. Так и надо. Скорее организовывай.

И загудело, и замотало, и начало качать по набережной к Храму Христа.

– Только бы живым выйти!

VII. ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ

Две недели я не был на выставке, и за эти две недели резко изменился деревянный город.

Он окрасился, покрылся цветными пятнами. Затем исчезли последние леса у павильонов, исчез мусор. Почва под сентябрьским солнцем высохла, утрамбовалась, и идти теперь легко.

Потом город запыхтел, и застучал, и заиграл. Посетителей стало все больше, и в праздничные дни начинается толчея. Впечатление такое, что всех вливающих за турникеты охватывает какое-то радостное возбуждение. Крики газетчиков, звуки оркестров, толпа, краски – все это поднимает настроение. Как грибы, выросли киоски – пивные, папиросные, винные, фруктовые, молочные. И надо сказать, что они очень облегчают осмотр и хождение. За несколько часов ходьбы под теплым солнцем хочется пить.

VIII. НАДИЯ[4] НА БОГА И ПОЖАРНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Зычный пожарный трубный сигнал. Белый павильон, испещренный лозунгами. «Центральный пожарный отдел».

Громадные белые торсы поддерживают серые шланги. Кто делал? Резинотрест.

Дальше брезентовые костюмы на манекенах, каски, упряжь, насосы. Диаграммы, рисунки, плакаты, картины.

Смысл: деревню надо отстоять. Деревню надо учить не только бороться с пожарами, но и их предупреждать.

Во всю стену огнеупорная стена из «соломита» – прессованной соломы. Работа Стройноторга.

Над соломитом громадное полотно: без всяких футуристических ухищрений реально написана картина – горит деревня. Мечутся лошади, полыхает пламя, и женщины простоволосые простирают руки к небу. Старуха с иконой.

Подпись: «Кому разум не помог, молитва не поможет».

Харьков выставил литографии. На одной украинец, спокойный и веселый, у беленькой хаты. Он потому спокойный, что он меры против пожара принимал.

А рядом нищий, оборванный у пепелища. «Я не вживав заходив проти пожеж. Жив на одчай и покладав надию на Бога – й пожежа довела мене до вбожества».

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Красные блестящие коробки пожарных телеграфов, сложные телефоны, сигнализация, модели, показывающие, как проложить трубы от печек, чтобы они были безопасны, ценные огнетушители «Богатыря» и «Рекорда», водоподъемник системы «Шенелис», всевозможные виды керосиновых ламп и лозунги, лозунги и диаграммы.

Голос руководителя:

– Этим концом ударяете об землю и затем направляете струю куда угодно...

IX. КАК СБЕРЕЧЬ СВОИ ЛЕСА

В Дом крестьянина – большой двухэтажный дом – вовлекла толпа экскурсантов.

Женщина с красной повязкой на рукаве шла вперед и объясняла:

– Сейчас, товарищи, мы с вами пройдем в Дом крестьянина, где вы прежде всего увидите уголок нашего Владимира Ильича...

В Доме такая суета, что разбегаются глаза и смутно запоминаются лишь портреты Ленина, Калинина и еще какие-то картинки.

Стучат, ведут вверх, вниз. И вдруг – дверь, и, оказывается, внутри театр. Сцена без занавеса. У избушки баба в платочке, целый конклав умных клинобородых мужиков в картузах и сапогах и один глупый, мочальный и курносый, в лаптях. Он, извольте видеть, без всякого понятия свел целый участок леса.

– Товарищи! Мыслимое ли это дело? А? – восклицает умный, украшенный картузом, обращаясь к публике, – прав он или не прав? Если не прав, поднимите руки.

Публика с удовольствием созерцает дурака, вырубившего участок, но, не будучи еще приучена к соборному действию, рук не поднимает.

– Выходит, стало быть, прав? Пущай рубает? Здорово! – волнуется картуз на сцене, – товарищи, кто за то, что он не прав, прошу поднять руки!

Руки поднимаются у всех.

– Это так! – удовлетворен обладатель цивилизованного головного убора, – присудим мы его назвать дураком!

И дурак с позором уходит, а умные начинают хором петь куплеты. Заливается гармония.

Надо, надо нам учиться,
Как сберечь свои леса,
Чтоб потом не очутиться
Без избы и колеса!

Ходят, выходят, спешно распаковывают какую-то посуду. Вероятно, для крестьянской столовки. И опять валит навстречу толпа, и опять женский голос:

– ...и увидите уголок Владимира...

X. КАРАМЕЛЬ, ТАБАК И ПИВО

От Дома крестьянина по берегу реки дальше вглубь в зелень, к Нескучному саду. Неузнаваемое место. По-прежнему вековые деревья и тени, гладь пруда, но в зелени белые, цветные, причудливые здания. И почти изо всех пыхтенье, стрекотание, стук машин.

Вот он, Моссельпром. Грибом каким-то. Под шапкой надпись «Ресторан».

И со входа сразу охватывает сладкий запах карамели. Белые колпаки, снежные халаты. Мнут карамельную массу, машина режет карамельные конуса. На плитах тазы с начинкой. Барышни-зрительницы висят на загородке – симпатичный павильон! 2-я государственная кондитерская фабрика имени П. А. Бабаева, бывшие знаменитые «Абрикосова Сыновья».

На стенах – диаграммы государственного дрожжевого № 1 завода Моссельпром.

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В банках и ампулах сепарированные дрожжи, сусло, солод ячменный и овсяной,
культуры дрожжей.

Диаграммы производительности 1-й государственной макаронной фабрики все того же
вездесущего Моссельпрома.

В январе 1923 года макаронных изделий – 7042 пуда, в мае – 10870 пудов.

В следующем отделении запах табака убивает карамель. Халаты на работницах синие.
«Дукат». По-иностранному тоже написано: «Doukat». Машины режут, набивают, клеют
гильзы. Выставка разноцветных коробок, и среди них уже появились «Привет с
выставки».

Дальше приютился славный фруктовый бывш. Калинин, ныне первый завод фруктовых
вод.

В карбонизаторе при 5 атмосферах углекислота насыщает воду. Фильтры
Chamberland'a.

Разлив пива. Машина брызжет, моет бутылки, мелькают изумительного проворства
руки работниц в тяжелых перчатках. Вертится барабан разливной машины, и пенистое
золотистое пиво Моссельпрома лезет в бутылки.

За стойкой тут же посетители его покупают и пьют кружками.

Показательная выставка бутылок – что выпускает бывш. Калинин теперь? Все.
По-прежнему сифоны с содовой и сельтерской, по-прежнему разноцветные бутылки со
всевозможными водами. И приятны ярлыки: «На чистом сахаре».

XI. ОПЯТЬ ТАБАК, ПОТОМ ШЕЛКА, А ПОТОМ УСТАЛОСТЬ
Здесь что? Павильон Табакотреста.

Здесь б. Асмолов, а теперь Донская государственная фабрика в Ростове-на-Дону.
Тоже режут машины табак, набивают папиросы. Здесь торгуют специальными
расписными острогранными коробками по сотне только что изготовленных папирос.

Растут зеленые лапчатые табаки – тыккульк, любек, тютюн. Стоят модели огневых
сушильных сараев, висят цапки, шнуры, иглы. Пестрят лозунги: «Мотыженье в пору –
даст обилие сбору», «Вершки и пасынок оборвешь, лучший лист соберешь».

Идет заведующий и говорит о том, насколько сократилась площадь плантаций в
России и какие усилия употребляются, чтобы поощрить табакводство на Кубани, в
Крыму, на Кавказе.

Гильз на рынке мало, и теперь в России не выделывают табак, а только готовые
папиросы.

Недалеко от павильона, где работает Асмолов, павильон с гигантским плакатом
«Махорка». Плакат кричит крестьянину: «Сей махорку – это выгодно»...

Довольно табаку. Дальше!

И вот павильон текстильный. ВСНХ. Здесь прекрасно. Во-первых, он внешне хорош.
Два корпуса, соединенных воздушной галереей-балконом с точеной балюстрадой.
Зелень обступила текстильное царство. Внутри же бесконечная в двух этажах гамма
красок, бесконечные волны шелков, полотен, шевиотов, ситцу, сукон.

Начинается с Петроградского гос. пенькового треста «The Petrograd State Hemp
Trust», выставившего канаты, и мешки, и веревки, и диаграммы, а дальше
непрерывным рядом драпированных гостиных идут вязниковские льняные фабрики,
опять пеньковые тресты, Гаврило-Ямская мануфактура с бельевыми и простынными
полотнами и десятки трестов: шелко-трест, хлопчатобумажный трест, суконный
трест, Иваново-Вознесенский текстильный... камвольный «Мострикоб»...

Московский текстильный институт со своими шелковичными червями, которые тут же
непрерывно жуют, жуют груды зеленых листьев...

После осмотра текстильного треста ноги больше не носят. Назад, к Москве-реке, к лавочкам, отдыхать, курить, смотреть, но не «осматривать»... В один раз не осмотришь все равно и десятой доли. Поэтому – назад. Мясохладобойни, скороморозилки Наркомтруда – потом, павильон НКПС'а[5] – потом (сияющий паровоз вылезает прямо в цветник), Мосполиграф – потом... К набережной – смотреть закат.

XII. КООПЕРАЦИЯ! КООПЕРАЦИЯ! НЕУДАЧНИК ЯПОНЕЦ

А он прекрасен – закат. Вдали догорают золотые луковицы Христа Спасителя, на Москве-реке лежат зыбкие полосы, а в городе-выставке уже вспыхивают бледные электрические шары.

Толпа густо стоит перед балконом павильона Центросоюза, обращенным на реку. Цветные пестрые ширмы на балконе, а под ними три фигурки. Агитационный кооперативный Петрушка.

За прилавком круглый купец в жилетке объегоривает мужика. В толпе взмывает смех. И действительно, мужик замечательный. От картуза до котомки за спиной. Какое-то особенное, специфически мужицкое лицо. Сделана фигурка замечательно. И голос у мужика неподражаемый. Класный мужик.

– Фирма существует 2000 лет, – рассыпается купец.

– Батюшки! – изумляется мужик.

Он машет деревянными руками, и трясет бородой, и призывает Господа Бога, и получает от жулика-купца крохотный сверток товара за миллиард.

Но является длинноносый Петрушка-кооператор, в зеленом колпаке, и вмиг разоблачает штуки толстосума, и тут же устраивает кооперативную лавку, и заваливает мужика товаром. Победенный купец валится на бок, а Петрушка танцует с мужиком дикий радостный танец, и оба поют победную песнь своими голосами:

Кооперация! Кооперация!

Даешь профит ты нации!..

– Товарищи, – вопит мужик, обращаясь к толпе, – заключим союз и вступим все в Центросоюз.

У пристани Доброфлота – сотни зрителей. Алюминиевая птица – гидроаэроплан RRDaе – в черных гигантских калошах стоит у берега. Полет над выставкой – один червонец с пассажира. В толпе – разговоры, уже описанные незабвенным Иваном Федоровичем Горбуновым.

– «Юнкерс» шибче «Фоккера»!

– Ошибаетесь, мадам, «Фоккер» шибче.

– Удивляюсь, откуда вы все это знаете?

– Будьте покойны. Нам все это очень хорошо известно, потому мы в Петровском парке живем.

– Но ведь вы сами не летаете?

– Нам не к чему. Сел на «шестой» номер – и в городе.

– Трусите?

– Червонца жалко.

– Идут. Смотрите, японцы идут! Летать будут! Три японца, маленькие, солидные, сухие, хорошо одетые, в роговых очках. Публика встречает их сочувственным гулом за счет японской катастрофы[6].

Двое влезли благополучно и нырнули в кабину, третий сорвался с лестнички, и в полосатых брюках, и в клетчатом пальто, и в широких ботинках – сел в воду с

Золотистый город. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
плеском и грохотом.

В первый раз в жизни был свидетелем молчания московской толпы. Никто даже не хихикнул.

– Не везет японцам в последнее время...

Через минуту гидроплан стремительно проходит по воде, подымая бурный пенный вал, а через две – он уже уходит гудящим жуком над Нескучным садом.

– Улетели три червончика, – говорит красноармеец.

XIII. БОИ ЗА ТРАКТОР. ВЛАДИМИРСКИЕ РОЖЕЧНИКИ

Вечер. Весь город унизан огнями. Всюду белые ослепительные точки и кляксы света, а вдали начинают вертеться в темной вечерней зелени цветные рекламные колеса и звезды.

В театре три электрических солнца заливают сцену. На сцене стол, покрытый красным сукном, зеленый огромный ковер и зелень в кадках. За столом президиум – в пиджаках, куртках и пальтишках. Оказывается, идет диспут: «Трактор и электрификация в сельском хозяйстве».

Все лавки заняты. Особенно густо сидят.

Наступает жгучий момент диспута.

Выступал профессор-агроном и доказывал, что нам в настоящий момент трактор не нужен, что при нашем обнищании он ляжет тяжелым бременем на крестьянина. Возражать скептику и защищать его записалось 50 человек, несмотря на то что диспут длится уже долго.

За конторкой появляется возбужденный оратор. В солдатской шинелишке и картузе.

– Дорогие товарищи! Тут мы слышали разные слова – «электрификация», «машинизация», «механизация» и тому подобное, и так далее. Что должны означать эти слова? Эти слова должны обозначать не что иное, товарищи, что нам нужны в деревне электричество и машины. (Голоса в публике: «Правильно!») Профессор говорит, что нам, мол, трактор не нужен. Что это обозначает, товарищи? Это означает, товарищи, что профессор наш спит. Он нас на старое хочет повернуть, а мы старого не хотим. Мы голые и босые победили наших врагов, а теперь, когда мы хотим строить, нам говорят ученые – не надо? Ковыряй, стало быть, землю лопатой? Не будет этого, товарищи («Браво! Правильно»).

Появляются сапоги-бутылки из Смоленской губернии и сладким тенором спрашивают, какой может быть трактор, когда шпагат стоит 14 рублей золотом?

Профессор в складной речи говорит, что он ничего... Что он только против фантазий, взывает к учету, к благоразумию, строгому расчету, требует заграничного кредита и, в конце концов, начинает говорить стихами.

Появляется куцая куртка и советует профессору, ежели ему не нравится в России, которая желает иметь тракторы, удалиться в какое-нибудь другое место, например в Париж.

После этого расстроенный профессор накрывается панамой с цветной лентой и со словами:

– Не понимаю, почему меня называют мракобесом? – удаляется в тьму.

Оратор из Наркомзема[7] разбивает положения профессора, ссылается на канадских эмигрантов и зовет к электрификации, к трактору, к машине.

Прения прекращаются.

И в заключительном слове председатель страстно говорит о фантазерах и утверждает, что народ, претворивший не одну уже фантазию в действительность в последние пять изумительных лет, не остановится перед последней фантазией о машине. И добьется.

– А он не фантазер?

И рукой невольно указывает туда, где в сумеречном цветнике на щите стоит огромный Ленин.

Кончен диспут. Валит все гуще народ в театр. А на сцене, став полукругом, десять клинобородых владимирских рожечников высвистывают на длинных деревянных самодельных дудках старинные русские песни. То стонут, то заливаются дудки, и невольно встают перед глазами туманные поля, избы с лучинами, тихие заводы, сосновые суровые леса. И на душе не то печаль от этих дудок, не то какая-то неясная надежда. Обрывают дудки, обрывается мечта. И ясно гудит в последний раз гидроплан, садясь на реку, и гроздьями, букетами горят огни, и машут крыльями рекламы. Слышен из Нескучного медный марш.

Золотистый город.

1 ...Газета «Смычка»... – Главный выставочный комитет выпустил несколько номеров собственной газеты с таким благозвучным названием (первый номер «Смычки» вышел 10 августа 1923 г.).

2 Н. К. В. Т. – Народный комиссариат внешней торговли.

3 И всюду Троцкий... – О Троцком Булгаков вполне определенно выразился как в «Грядущих перспективах», так и в «Белой гвардии». И в своем дневнике Булгаков то и дело упоминает имя Троцкого. Приведем некоторые записи. 5 октября 1923 г.: «В „Известиях“ же передовая... о том, что всюду неспокойно и что белогвардейцы опять ухватились за мысль об интервенции (вопрос, который постоянно был в поле зрения Булгакова. – В. Л.). Письмо Троцкого к артиллерийским частям... еще красочнее. Там он прямо говорит, что, в случае чего, „он рассчитывает на красноармейцев...“» 22 октября: «Сегодня в „Известиях“ помещена речь Троцкого, которую он на днях произнес на губернском съезде металлистов. Вот выдержки из нее... (и далее – подробнейшее изложение речи Троцкого. – В. Л.)... В общем, как видно, будущее туманно...»

4 Надия – надежда (укр.).

5 НКПС – Народный комиссариат путей сообщения.

6 ...за счет японской катастрофы. – Страшное землетрясение в Японии не прошло мимо внимания Булгакова. 3 сентября 1923 г. он записал в дневнике: «Сегодня днем получила телеграмма Роста: в Японии страшное землетрясение. Разрушена Иокогама, горит Токио, море хлынуло на берег, сотни тысяч погибших, императорский дворец разрушен, и судьба императора неизвестна... Что происходит в мире?» 5 октября: «В Японии продолжают толчки На острове Формоза было землетрясение... Что только происходит в мире!»

7 Наркомзем... – Народный комиссариат земледелия.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!